

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. Ольдерогге

Вып. XXV

ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1987

С. В. Иванов

**ЧИСЛОВАЯ СИМВОЛИКА И ПОЛ
В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ И ОБРЯДАХ НАРОДОВ АЗИИ
(к постановке вопроса)¹**

При рассмотрении этнографических явлений приходится иногда сталкиваться с фактами, которые, несмотря на свой интерес, не привлекали к себе достаточного внимания и вследствие этого оставались мало или вовсе не изученными. Некоторые из них выявляются лишь при сравнительно-сопоставительном изучении, так как только таким путем обнаруживают свою повторяемость у ряда народов, скрытую в каждом отдельном случае от наблюдателя.

К таким, не вполне пока ясным фактам относится связь между представлениями о числе, с одной стороны, и полом — с другой, прослеживаемая в символике чисел, верованиях, обычаях и обрядах многих народов, связь, остававшаяся до сих пор не исследованной.

О числовой символике существует довольно значительная литература, охватывающая как древний мир, так и современные народы. Много внимания, в частности, уделено таким числам, как три, семь, девять.

Эта взаимосвязь обнаруживается, в частности, у ряда народов Азии и, как можно предполагать, не является случайной. Приводимые ниже факты позволяют прийти к заключению, что представления о ней возникли в глубокой древности и отличались более или менее устойчивым характером. Указанная связь выражалась в том, что представления о мужчине и мужском начале ассоциировались с нечетными числами, в то время как представления о женщине и женском начале — с четными.

Обобщая данные, касающиеся числовой символики, Леви-Брюль пишет: «Двойственность часто противостоит единству своими... противоположными свойствами. Она означает, содер-

¹ Впервые эта тема была затронута нами на заседании Ученого совета Института этнографии АН СССР в докладе, прочитанном 31 мая 1941 г. В 1959 г. ее коснулся В. Н. Чернецов в своей статье, посвященной представлениям о душе у обских угров. Он отметил наличие половой семантики чисел кроме угров в азиатских эскимосов, нивхов и яванцев, считая ее «достаточно универсальной» [19, с. 117].

жит в себе, порождает противоположное тому, что обозначается и порождается единством» [12, с. 138].

Проиллюстрируем сказанное на ряде примеров.

В шумерском языке два первых числа символизировали мужчину и женщину. Слово *dil* первоначально означало «мужчину», «человека», позднее — «один», «прямой». А. Унгнад предполагает, что между числом «два» (*min*) и «женщиной» (*min, min*) существовала такая же связь, как между «один» и «мужчина» [28, с. 29—30]. Это предположение, по мнению некоторых ученых, является вполне обоснованным и заслуживающим внимания [16, с. 184]. Представления о мужских и женских числах и их символика отражены в эламских печатях [27, с. 186—187]. По словам Унгнада, эти идеи оказали влияние и на мыслителей античной эпохи, например на Пифагора, который пришел к выводу о том, что «один» представляет собой «мужской и прямой принцип», «два» — «женский и не прямой» [28, с. 30]². Далекие отголоски идей этого рода прослеживаются у сванов, которые с числом два связывают представление о женщине [13, с. 92].

Давно и хорошо известна древняя числовая символика, разработанная китайской натурфилософией. В яркой форме она раскрывает представления о мужском и женском началах в природе. Символическое изображение идеи о единстве двух противоположных начал в ней нашло свое графическое выражение в восьми священных знаках «ба-гуа», изобретение которых приписывается легендарному китайскому государю Фу-си, жившему якобы в конце III тысячелетия до н. э. Каждый из этих знаков представляет собой триграмму, состоящую из комбинации одиночных и двойных линий. Непрерывная линия символизирует мужское начало, прерывистая — женское [24, с. 33]. Иными словами, мужское начало выражено целостностью, нечетностью, в то время как женское — двойственностью, четностью. В центре восьми триграмм, располагающихся обычно по кругу, помещается знак «инь-ян» — символ соединения женского и мужского начал в природе. Таким образом, китайская, а также японская и корейская символика этого рода раскрывают генезис представлений народов Дальнего Востока о двух первых числах.

Отголоски этих представлений сохранялись у народов Востока до недавнего времени. Символическое значение они придавали не только отдельным числам, но и их сумме. Так, в китайской алхимии пять первых нечетных чисел — один, три, пять, семь и девять, — составляющих в сумме двадцать пять, относились к «ян», в то время как пять четных цифр — ноль, два, че-

² Позже, в сочинении римского зодчего и историка архитектуры Витрувия, мы находим близкие идеи. Он писал: «...при изобретении двух различных видов колонн они (греки.— С. И.) подражали в одном из них (дорическом ордере.— С. И.) неукрашенной... мужской красоте, а в другом (ионийском ордере, с криволинейными формами капителей.— С. И.) — утонченности женщин, их украшениям и соразмерности» (цит. по [2, с. 279]).

тыре, шесть и восемь,— составляющих в сумме двадцать,— к «инь» [9, с. 96].

Представления о мужском, нечетном, светлом, небесном принципе «ян» и женском, четном, темном, земном принципе «инь» пронизывали не только философские сочинения китайцев, но находили отражение и в их верованиях и обрядах. Подобными представлениями объясняется, в частности, боязнь китайцев одевать покойника в четное число одежд, так как это отдает его под власть темного, женского начала. Последнее же обстоятельство, по их мнению, не только может оказать неблагоприятное действие на судьбу умершего в загробной жизни, но и отрицательно повлиять на живых его потомков, поскольку под властью «инь» пребывают демоны [8, с. 216, 222].

При входе каждого посетителя в дом, где находится покойник, китайский музыкант ударял несколько раз по большому кожаному барабану. Если посетителем был мужчина, давался один удар, если женщина — два [3, с. 13]. В Корее после смерти человека на листке бумаги писалось, кем являлся умерший для родных. Листки эти сохранялись для мужчин в продолжение трех лет, для женщин — двух [14, с. 53]. Те же представления нашли отражение в учебнике тибетской медицины. При зачатии, говорится в нем, «в первые (после окончания менструаций.— С. И.), третьи, пятые, седьмые и девятые сутки бывают мальчики; во вторые, четвертые, шестые и восьмые... девочки» [17, с. 61].

Приведенными примерами не исчерпывается фактический материал по затронутой теме. Однако его вполне достаточно для доказательства двух положений: 1) о существовании у народов Дальнего Востока и Тибета вполне устойчивых представлений о связи между числом и полом и 2) о развитии их в двух направлениях — по линии соединения представлений о женском начале с четностью и мужском начале с нечетностью.

Обратимся к некоторым народам Советского Союза. У нивхов умершего мужчину оставляли в доме в течение трех дней, женщину — в течение четырех (устное сообщение Ч. М. Таксами, нивха по национальности, сотрудника ленинградской части Института этнографии АН СССР, 1972 г.). При сожжении умершего на погребальном костре клетку для мужчин они складывали из трех плах, для женщин — из четырех [10, с. 277]. Подобные представления отметил у нивхов и Л. Я. Штернберг, но удовлетворительного объяснения их мы у него не находим. В одной из своих работ он пишет: «Число три и все кратные трех для мужчин магическое число (по числу перьев на стреле), точно так же как для женщины — два и кратные двух (по числу концов чумашки³, изготавливаемой женщинами). При погребении, например, мужчину одевают в один, три, девять халатов, жен-

³ Чумашка — берестяной туес, как правило четырехугольной формы (для сбора лесных ягод).

щину — в два, четыре, восемь, шестнадцать и т. д.» [21, с. 176, примеч.]. В другом месте, относительно сахалинских нивхов, тот же автор отмечает, что любимую собаку покойного кормили из его чашки три года, если он был мужчиной, и четыре года — если женщиной (см. [10а, с. 328]).

У нанайцев на обруче, называемом *силва(н)* и употреблявшемся при лечении больных, вырезалось девять изображений, причем пять из них представляли собой мужских духов, а четыре — женских. На некоторых культовых изображениях тех же нанайцев, например на головах деревянных фигур злого духа, именуемого *городо*, также вырезывались девять небольших фигурок духов. Четыре из них, с головами заостренной формы, означали женщин, пять других, с плоским теменем, — мужчин [22, с. 515, 516]. Удэгейцы надевали на умерших мужчин нечетное число пар одежд, на женщин — четное [1, с. 46].

У бурят в одном из шаманских обращений к солнцу и луне находим: «Восьмикруговое солнце — мать, девятикруговой месяц — отец» [15, с. 111]. Следует отметить, что солнце у бурят считалось женщиной, и поэтому ему соответствовало четное число кругов, в то время как месяцу — мужчине — нечетное. У тех же бурят утром, перед циклом главных свадебных обрядов, невесте расплетали косу и вместо нее заплетали на правой стороне головы девять мелких косичек, на левой — восемь. Косы на правой стороне означали будущих сыновей, на левой — дочерей [18, с. 66].

Согласно представлениям манси (вогулов), женщина имела четыре души, мужчина — пять [19, с. 117]. Медвежий праздник у них продолжался не менее четырех дней, если убивали медведицу, и не менее пяти — если взрослого медведя [5, с. 44]. В знак траура по умершему родственники распускали волосы: женщины — в продолжение четырех дней, мужчины — пяти дней [6, с. 44]. То же соотношение между числом и полом мы находим у хантов (сстяков). Если был убит медведь, то праздник в его честь продолжался в течение пяти дней, если убита медведица — то четырех [7, с. 3]. Ваховские ханты держали при этом в юрте шкуру медведя-самца пять дней, шкуру самки — четыре [20, с. 111]. У обдорских хантов во время похорон одна из присутствовавших при этом старух обводила по краям гроба беличьим хвостом пять раз для мужчины и четыре раза для женщины [4, с. 488]. Нечетные мужские и четные женские числа фигурировали и в период траура по умершему. Он состоял в том, что родственники покойного снимали пояса и подвязки от пимов. Если умер мужчина, то ходили пять месяцев без подвязок и четыре дня без поясов [4, с. 401]. У тех же обдорских хантов фигуру, изображавшую покойника, одевали, ставили перед нею воду для умывания и чашку с пищей в продолжение пяти лет для мужчины и четырех лет — для женщины [4, с. 491].

Казымские ханты, совершая обряд жертвоприношения,

обмазывали кровью жертвенного животного или птицы один из углов дома: это делалось на четвертый день после смерти женщины и на пятый день после смерти мужчины (устное сообщение этнографа Н. Ф. Прытковой, 1939 г.). Половая символика четных и нечетных чисел широко отражена и в погребальных обрядах манси [16а, с. 232].

О народах самодийской группы, эвенках и большинстве тюркоязычных народов Сибири интересующие нас данные носят отрывочный характер. О якутах, например, известно, что в исполнении ими старинного обряда, целью которого было увеличение плодovitости женщин, участвовало восемь девушек и девять юношей [10а, 104]. Примеры связи между четными и нечетными числами и полом можно наблюдать и у народов других стран и континентов.

Так, у эскимосов р. Юкон после смерти женщины люди не выходили на рыбную ловлю в течение четырех дней, после смерти мужчины — пять дней [25, с. 423]. По представлениям малайцев острова Явы, число три — мужское, число два — женское [26, с. 545]. В Центральной Африке число четыре для женщины считается естественным, приносящим счастье и определяющим ее действия. Для мужчины таким числом является три. В северозиритрейской культуре счастливое число для женщины — два, для мужчины — три. Немецкий этнолог Л. Фробениус полагает, что символика числа четыре для женщин и числа три для мужчин восходит у африканцев к очень древним временам [23, карта № 4].

Нельзя не обратить внимание на то, что у древних народов интересующая нас символика связывалась главным образом с двумя первыми числами, в то время как у современных народов она распространяется и на более крупные числа: три и два у малайцев и некоторых африканских народов, три и четыре, девять и восемь у нивхов, пять и четыре у нанайцев, обских угров и американских эскимосов, девять и восемь у бурят и т. д.

Трудно пока окончательно ответить на вопросы: чем это было вызвано и что чему предшествовало? Возникли ли представления современных народов о половой символической более крупных чисел самостоятельно, или она появилась в результате дальнейшего развития значения начальных чисел? Не имеем ли мы дело, хотя бы в отдельных случаях (например, у народов бассейна Амура), с проникновением в местную среду каких-то концепций, сложившихся в философских системах зарубежных народов Дальнего Востока?

Для решения всех этих вопросов необходимо дальнейшее их изучение с привлечением новых, более обширных материалов, как этнографических, так и лингвистических. На данном этапе на основе анализа приведенных выше фактов можно высказать лишь предположение о том, что представления о взаимосвязи между числом и полом возникли в доклассовом обществе и вна-

чале лишены были какой-либо сложной семантики. Позже они получили дальнейшее развитие и облеклись в религиозную или философскую форму. Первыми числами, связанными с указанной символикой, были, вероятно, единица и двойка. Не исключено, что этот факт следует связать с тем, что когда-то многим народам известны были только числа один, два, иногда три [13, с. 45].

Это прослеживается и в языках некоторых современных народов, например индейцев Южной Америки, андаманском, бушменском [12, с. 136; 11, с. 300]. Позже древняя символика распространилась, видимо, и на другие числа. Применительно к обским уграм к тому же мнению склоняется и В. Н. Чернецов [19, с. 117].

Литература

1. *Арсеньев В. К.* Лесные люди удэгейцы. Владивосток, 1926.
2. *Архитектура античного мира.* М., 1940.
3. *Баранов И. Г.* Черты народного быта в Китае. Харбин, 1928.
4. *Бартенев В.* Погребальные обычаи обдорских остяков.— *Живая старина.* СПб., 1895, вып. 3—4.
5. *Гондатти Н.* Культ медведя у инородцев Северо-Западной Сибири.— *Труды Этнографического отдела Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.* Т. 8. М., 1888.
6. *Гондатти Н.* Следы языческих верований у маньчжур.— *Труды Этнографического отдела Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.* Т. 8. М., 1888.
7. *Городков Н.* Религиозные языческие воззрения остяков.— *Томские епархиальные ведомости.* Томск, 1890, № 2.
8. *Грубе В.* Духовная культура Китая. СПб., 1912.
9. *Кириллов Н.* Алхимия. Китая.— *Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества.* Т. 12. Иркутск, 1911.
10. *Корнилов А.* Гиляки.— *Древняя и новая Россия.* 1881, № 21.
- 10а. *Кулаковский А. Е.* Материалы для изучения верований якутов.— *Записки Якутского краеведческого географического общества.* Кн. 1. Якутск, 1923.
11. *Леббок Дж.* Начало цивилизаций. СПб., 1896.
12. *Леви-Брюль.* Первобытное мышление. М., 1930.
13. *Марр Н.* О числительных.— *Языковедные проблемы по числительным.* Т. 1. Л., 1927.
14. *Насекин Н.* Корейцы Приамурского края.— *Журнал Министерства народного просвещения.* СПб., 1904, т. 352, № 3.
15. *Потанин Г.* Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 4. СПб., 1883.
16. *Рафтин А. П.* Система шумерских числительных.— *Языковедные проблемы по числительным.* Т. 1. Л., 1927.
- 16а. *Ромбандеева Е. И.* Погребальный обряд сыгвинских манси.— *Семейная обрядность народов Сибири.* М., 1980.
17. *Учебник тибетской медицины.* Т. 1. СПб., 1908.
18. *Хангалов М.* Свадебные обряды, обычаи, поверья и предания у бурят Унгинского инородческого ведомства Балаганского округа.— *Этнографическое обозрение.* 1948, № 1.
19. *Чернецов В. Н.* Представления о душе у обских угров.— *Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований.* М., 1959.
20. *Шатилов М.* Ваховские остяки. Томск, 1931.
21. *Штернберг Л. Я.* Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора. СПб., 1908, т. 1, ч. 1.

22. *Штернберг Л. Я.* Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.
23. *Frobenius L.* Atlas Africanus. H. 2. Bl. II. München, 1922.
24. *Münsterberg O.* Chinesische Kunstgeschichte. Bd. 1. Esslingen, 1910.
25. *Ploss H., Bartels M.* Das Weib. Bd. 3. B., 1927.
26. *Skeat W.* Malay Magic. L., 1900.
27. *Toscanne T.* Etude sur le serpent, figure et symbole dans l'antiquité élamite.—Délégation en Perse. Mémoires publiées sous la direction de M. J. de Morgan. Recherches archéologiques. T. 12. Sér. 4. P., 1911.
28. *Ungnad A.* Zur Entstehung und Geschichte der Zahlbergriffe.—Anhang zur «Das Wesen des Ursemitischen». Lpz., 1925.